

И.А. Коновалов

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

Выявлены особенности местного управления в Сибири в XVIII – начале XX в. Сделан вывод, что для администрирования в Сибири было характерным почти полное отсутствие самоуправленческих начал. Полномочия административно-полицейских органов на сибирской окраине страны имели свою специфику и были более широкими, чем в европейских губерниях России. Специфичным для Сибири имперского периода является также почти полное подчинение органов местного самоуправления полицейским учреждениям края.

Ключевые слова: история Сибири; власть; администрация; местное самоуправление; реформа; губернатор; полномочия; полиция; выборы

Актуальность ретроспективных взглядов на местное управление дореволюционной Сибири объясняется схожестью проблем стоявших и стоящих при определении основных принципов региональной политики. Административно-территориальное деление, ведомственная разобщенность в управлении, информационное обеспечение процессов администрирования, координация деятельности местных и центральных органов власти – все эти проблемы имеют глубокие исторические корни. Недостаточная изученность местного государственного управления и самоуправления в Сибири в XVIII – начале XX в. в отечественной историографии также определяют ее актуальность. Неслучайно поэтому вопросы, связанные с организацией местного управления в дореволюционной Сибири привлекали и привлекают внимание исследователей. ТERRITORIALНЫЕ рамки работы охватывают административные границы Сибири XVIII – начала XX в.

В монографических исследованиях М.О. Акишиным, были проанализированы особенности правоприменения, а также реформы Петра I и Екатерины II в Сибири [1]. И.Л. Дамешек определила место и роль региона в политических механизмах императорской России [2]. Н.П. Матхановой были исследованы особенности генерал-губернаторской власти на сибирской окраине империи [3]. Особенностями деятельности органов МВД в крае занимается И.А. Коновалов [4]. Особенно заметный вклад в изучение местного управления сибирской окраины России внес омский исследователь А.В. Ремнев, в его монографиях исследовались кадровая политика, проблемы в взаимоотношения Сибири и Санкт-Петербурга [5]. Однако, несмотря на, казалось бы, обилие работ, посвященных управленческим процессам, происходившим в Сибири XVIII – начала XX в., многие проблемы местного государственного управления и самоуправления зачастую остаются вне поля зрения исследователей. Так, остается нерассмотренным вопрос о взаимодействии местного государственного управления и самоуправления, нет единой, комплексной работы, в которой были бы учтены в совокупности все организационные формы местного самоуправления, функционировавшие в Сибири в дореволюционный период: городского, крестьянского, казачьего и инородческого. Поэтому основной целью статьи является проведение комплексного исследования особенностей системы мест-

ного государственного управления и самоуправления в Сибири в XVIII – начале XX в.

В начале XVIII в. в основном завершилась политическая и административная инкорпорация Сибири в систему управления Российской государства. В 1708 г. среди других учрежденных 8 губерний была организована Сибирская губерния с центром в городе Тобольске [6. С. 436]. В начале XVIII в. в России установилась абсолютная монархия. Военно-административные функции, которые были главными в местном управлении в XVII в., стали заменяться административно-полицейскими. Была создана полиция, которая стала органом, через который верховная власть стала осуществлять на местах свои полномочия.

Местное управление в Сибири в XVIII в. прошло три основных этапа: воеводский, потом губернаторский по особым наказам, а затем губернаторский по «Учреждениям для управления губерний» 1775 г., по которым произошло распределение полицейских органов по всей территории края.

В последней четверти XVIII в. сложилась четырехзвенная модель регионального управления. Во главе которой был генерал-губернатор, являвшийся руководителем местных администраций и одновременно надзорным органом. Вторым звеном было губернское управление. Третье звено состояло из уездных и городских управлений, а четвертое было представлено волостным крестьянским самоуправлением. Получившие окончательную правовую регламентацию в последней четверти XVIII в. органы крестьянского и городского самоуправления были полностью подчинены городничим и земским исправникам, которые руководили местными полицейскими органами [7. С. 15]. В отчете западносибирского генерал-губернатора за 1847 г. говорилось, что сибиряки не приходят на выборы в органы городского самоуправления «из-за равнодушия и ограничения понятий о пользах дарованных им прав» [8. Л. 69].

Регулярные, профессиональные полицейские органы были учреждены в Сибири в правление императрицы Анны Иоанновны в 1733 г. Актом «Об учреждении полиции в городах» была открыта полицмейстерская контора в Тобольске [9. С. 93]. Полномочия полиции были объявлены общегражданской повинностью, и все подданные были обязаны оказывать ей содействие. Полиция создавалась как универсальный

инструмент, при помощи которого коронная власть должна была разрешать любые политические, социальные и даже экономические проблемы.

1780-е гг. были ознаменованы качественными дополнениями организационного и законодательного характера к уже действовавшим в городах и уездах Сибири административно-полицейским органам на базе «Учреждений для управления губерний» 1775 г. и «Устава благочиния или полицейского» 1782 г., оказавшимися устойчивыми нормативно-правовыми актами, на долгие годы определявшими полномочия и структуру административно-полицейских органов.

В XVIII в. Российская империя стала абсолютистско-полицейским государством. Социально-политическим последствием учреждения полицейских органов стало появление сибирской полицейской бюрократии, у которой родились свой мир, свои идеи и интересы и даже свой язык [10. С. 7]. Исправность в административно-полицейских отчетах стала главным показателем эффективности работы этих органов. Неразвитость инфраструктуры и коммуникаций, большие территории, слабая интенсивность политических и социально-экономических связей, недостаточное правовое обеспечение порождали бесконтрольную автономность в деятельности административно-полицейских органов на сибирской окраине империи.

Отсутствие дворянского землевладения и самоуправления (даже накануне 1861 г. в Иркутской губернии не было ни одного дворянского имения, а в Енисейской – только одно) [11. Л. 106], государственная собственность на землю, удаленность Сибири от столицы определяли в большую, чем в центральных губерниях, роль бюрократии в административно-хозяйственном управлении, которое не отделялось от полицейской деятельности. Под термином «полиция» в Сибири понимались почти все местные государственные учреждения, в местном администрировании существовало почти полное единство полицейской и исполнительной власти.

В начале XIX в., после создания министерств, управление краем, наряду с генерал-губернатором, стало осуществляться Министерством внутренних дел, сосредоточившим у себя львиную долю административно-хозяйственных и полицейских полномочий. К общей полиции стали относиться уездные и городские и полицейские учреждения, губернаторы и губернские правления.

Политика коронной власти в Сибири в первой четверти XIX в. стала свидетельствовать о поисках более эффективной модели местного администрирования. В 1822 г. было промulgировано, подготовленное М.М. Сперанским «Учреждение для управления сибирских губерний» [12. С. 18], которое было распространено на генерал-губернаторства Западной и Восточной Сибири, включавшими в себя Енисейскую, Иркутскую, Томскую и Тобольскую губернии, Омскую и Якутскую области, а также на три пограничных управления: Охотское, Камчатское и Троице-Савское. Всего в составе двух генерал-губернаторств по «Учреждению для управления сибирских губерний» оказалось 4 губернии, 2 области, 3 управления и

36 округов, которыми стали называть бывшие уезды [13. С. 345].

Реформа М.М. Сперанского стабилизировала региональное администрирование, однако она создала полицейско-бюрократическую, сверхцентрализованную систему управления краем. Уровень коррупции и степень бюрократизации в крае были более высокими, чем в центральных губерниях империи, это объяснялось особым составом населения, почти полным отсутствием самоуправленческих элементов, независимого финансового контроля и судов. Так, в 1721 г. за «неслыханное воровство» был повешен первый сибирский губернатор князь М.П. Гагарин [14. Л. 7]. В 1736 г. за то, что «злостными вымыслами из взяток себе накопил состояние» был казнен иркутский вице-губернатор статский советник А. Желобов [15. С. 58]. В начале XIX в. при генерал-губернаторе И.Б. Пестеле под судом оказались тобольский губернатор Б.А. Гермес, томский губернатор В.С. Хвостов и иркутский губернатор А.М. Корнилов [16. С. 17].

По итогам ревизии М.М. Сперанского в крае оказались под судом 48 полицейских чиновников, в том числе тобольский и иркутский губернаторы, а еще 174 (почти весь состав чиновников МВД региона) были достойны тюрьмы, по мнению М.М. Сперанского, но так и не были привлечены к уголовной ответственности. Иркутский губернатор Трескин был лишен знаков отличия, чинов и дворянства. Однако тобольский губернатор Фанбрин не только избежал уголовной ответственности, но даже стал сенатором [17. С. 43]. Однако даже после «чистки» М.М. Сперанским административно-полицейского аппарата региона генерал-губернаторы В.Я. Руперт и П.Д. Горчаков покинули Сибирь не по своей воле [18. С. 129].

Во второй четверти XIX в. в России была создана действовавшая независимо от МВД политическая полиция, охватившая своим присутствием все регионы страны – корпус жандармов. В 1830-е гг. в сибирском крае был учрежден 7-й, а затем 8-й округ корпуса жандармов. Штаб округа сначала находился в Тобольске, а потом с 1839 г. – в Омске [19. Л. 6].

Верховная власть стремилась создать на местах особые учреждения для борьбы с коррупцией и злоупотреблениями, придать жандармам функции независимого от местных администраторов надзорного органа [20. С. 63]. Вмешательство жандармов в местное управление вызывало противодействие со стороны генерал-губернаторов. Поскольку доклады жандармских офицеров в III отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии вскрывали недостатки на местах, однако они утрачивали свой эффект, так как касались отдельных случаев злоупотреблений властью [21. С. 149].

Полиция в соответствии с «Учреждением» 1822 г. по-прежнему являлась важнейшим атрибутом организации и функционирования всего механизма государства. Административно-полицейские органы региона в первой половине XIX в. имели структурную и организационную специфику, отличавшую их от аналогичных институтов в центральных губерниях страны. Так, в Сибири были учреждены должности окружных начальников, чьи полномочия были

распространены на всю территорию округа и поэтому были схожи с полномочиями уездных исправников по полицейской реформе 1862 г., отдельных земских заседателей, предшествовавший появлению становых приставов в империи, до 1867 г. для исполнения полицейской службы в крае привлекалось городовое казачество, вместо десятских и сотских почти до конца XIX в. полицейская служба была возложена на десятников.

В последней четверти XIX в. было изменено административно-территориальное устройство Сибири: вместо двух генерал-губернаторств (Восточной Сибири и Западной Сибири) были учреждены Иркутское, Приамурское и Степное генерал-губернаторства. Тобольская и Томская губернии были переведены в непосредственное подчинение Министерства внутренних дел [22. С. 212]. Верховная власть делала попытки скорректировать «Учреждение» 1822 г., отказавшись частично его принципов. Была свернута деятельность коллегиальных советов при генерал-губернаторах и губернаторах. Особенностью сибирской окраины империи было то, что из реформ 1860–1870 гг. получили распространение в регионе только военная и городская, не была осуществлена земская реформа, а судебная реформа были проведена только в 1897–1899 гг. Поэтому полномочия местного административно-полицейского управления в крае и во второй половине XIX в. были более широкими, чем в центральных губерниях страны.

Городская реформа 1870 и контрреформа 1892 гг. основывались на государственной концепции общественного самоуправления, исходившей из того, что самоуправление обязано осуществлять свою деятельность прежде всего в интересах государства. Городское общественное управление действовало на основании государственных законов, а его предметы ведения были определены государством. Функции и деятельность общественного управления в городах и местного государственного управления считались однородными [23. С. 26].

В результате полицейской реформы в Сибири в 1867 в. был осуществлен переход от военно-феодальной организации низшего звена органов местного государственного управления, которое основывалось по «Учреждению» 1822 г., главным образом, на полицейской службе городовых казаков, к профессиональной полиции, которая стала комплектоваться на контрактной основе. Городовое казачество в Сибири было упразднено как сословие. Роль и место полиции, особенно в городском управлении, были серьезно сужены. Однако за рамками преобразований оставалась значительная часть вопросов, которые были связаны с изменениями компетенций, корректировкой и передачей хозяйственных полномочий органам городского и волостного самоуправления.

Частичное воплощение в регионе в конце XIX в. судебной реформы и отказ от распространения земской реформы неизбежно вели к сохранению роли полицейских органов в местном государственном управлении и самоуправлении, их вмешательству в частную и публичную жизнь сибиряков. Органы МВД в Сибири до распространения на регион «Судебных

уставов» 1864 г. выполняли следственные и судебные полномочия. С передачей органов прокуратуры в судебную власть на уездных исправников и губернаторов были возложены полномочия по осуществлению административного надзора.

Количество чиновников Министерства внутренних дел в регионе всегда было небольшим. Так, после реформы 1867 г. оно составляло только 206 человек в восточносибирском и 257 в западносибирском генерал-губернаторстве [24. С. 879].

Курс верховной власти в области сибирского администрирования после строительства Транссибирской магистрали был определен как общими процессами экономического и социально-политического развития страны, так и представлениями коронной власти о месте Сибири в составе империи. Верховная власть в конце XIX – начале XX в. пыталась пересмотреть свои прежние подходы к местному управлению в Сибири, унифицировать и модернизировать формы местных административно-полицейских органов с учетом специфических региональных условий. Однако органы полиции остались главными институтами государственного администрирования на сибирском регионе.

По «Городовому положению» 1892 г. губернаторы – начальники полиции утверждали глав городского самоуправления – городских голов. Постановления дум вступали в законную силу только после губернаторского утверждения. Члены управ приравнивались к государственным служащим, а губернатор мог делать им предписания и отстранять от должности [25. Л. 8].

В основу взаимодействия местного государственного управления и самоуправления были заложены принципы «иерархичности» и «единства» власти. Они заложили строгий порядок подчинения самоуправленческих органов учреждениям местного государственного управления, обеспечивавший общность способов разрешения вопросов, беспрекословность и обязательность выполнения предписаний генерал-губернаторских, губернских и уездных администраций [26. С. 143]. Вне контроля губернаторов были только жандармские управление, казенные палаты, суды и акцизные управление.

В сельской местности края, поскольку в сибирском регионе не было земских учреждений, уездные исправники осуществляли руководство не только охраной общественного порядка и безопасности, но и хозяйственной деятельностью уездов. С помощью крестьянских начальников и становых приставов они осуществляли контроль за волостным общественным управлением. Вне поля их ведения были только уездные казначейства.

Значительные изменения в деятельность и организацию местного управления в конце XIX в. были внесены после распространения на Сибирь в 1897 г. «Судебных уставов» 1864 г., «Городового положения» 1892 г. и «Временного положением о крестьянских начальниках» 1898 г. Однако, как и прежде, административно-полицейские органы занимали центральное место в системе органов местного государственного управления. Ее модернизация, несмотря на исторические вызовы, имела в большой степени несистемный характер.

Чиновники МВД, составлявшие львиную долю всех служащих региона, кроме своих должностных полномочий выполняли все указания своих руководителей, даже выходящие за законные рамки, поэтому они не могли не вызывать недовольства со стороны местного населения. Административно-полицейские органы применялись часто верховной властью как карательные инструменты для подавления общественных инициатив. Мероприятия по охране правопорядка сопровождались порой неоправданным насилием над местным населением. Периодическая печать и архивные материалы свидетельствуют, что жертвами грубости и произвола со стороны полицейских становились не только те, кто совершал противоправные действия, но и даже добродорядочные сибиряки [27. Л. 181].

В дореволюционный период не был создан механизм по формированию управленческих кадров, в основе которого было бы формирование квалифицированного кадрового корпуса. Произвол и коррупция, которые были распространены в полицейской среде, не могли оказывать положительного воздействия на всю управленческую деятельность [28. С. 2]. С момента учреждения в Сибири регулярной полиции всегда существовали определенные трудности при комплектовании органов общей полиции из-за непопулярности полицейской службы, достаточно низкой зарплаты и недостатка подготовленных сотрудников. Выход из создавшегося положения виделся в повышении материального, нравственного и образовательного уровня служащих местного государственного управления, в дальнейшей правовой регламентации службы, в установлении общественного контроля за деятельностью администраций различного уровня.

На некоторых территориях Сибири органы государственной власти вовсе отсутствовали или были слабо представлены. Так, только на одного туркменского станового пристава приходилось более 1,5 млн кв. верст подведомственной территории [29. С. 20].

Падение авторитета коронной власти у большой части сибиряков на фоне применения административно-полицейских карательных мероприятий привело к дискредитации и кризису местного регионального управления. Население сибирского региона не было защищено от произвола коррумпированных сотрудников административно-полицейских органов путем установления действительных их способов привлечения к ответственности за нарушение закона и служебного долга [30. С. 24].

В годы Первой мировой войны в Сибири почти не было массовых антиправительственных выступлений, таких как в ходе революции 1905–1907 гг., однако сложившаяся система местного государственного управления и самоуправления начала давать сбои в своей текущей деятельности. Резко ухудшилась кризисная обстановка, росла инфляция, произошло увеличение численности тяжких преступлений, широкое распространение получило самогоноварение. Почти ежедневными происшествиями стали подкинутые или брошенные дети [31. С. 127].

Анализ организации местного администрирования в Сибири в начале XX в. показывает, что органы местного государственного управления и самоуправления, при отсутствии в крае земств, уже не отвечали изменившимся условиям. Сибирская полицейская бюрократия в начале XX в. минимизировала свои усилия в управленческой деятельности [32. Р. 37].

Не устояв перед дополнительными вызовами, система регионального администрирования, которая обеспечивала общественный порядок в Сибирском крае в XVIII–XIX вв., была стремительно разрушена в ходе революционных событий февраля 1917 г. Несколько больше повезло органам местного самоуправления региона, после Февральской революции в Сибири появилось земское общественное управление. Однако оно, а также городское и волостное самоуправление прекратили свою деятельность в годы Гражданской войны и военной интервенции, с установлением в крае советской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. Новосибирск : Древохранилище, 2003. 408 с.
2. Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск : ИГПУ, 2005. 246 с.
3. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. 250 с.
4. Коновалов И.А. Роль и место общей полиции в системе местного управления в Сибири (XVIII – начало XX в.). М. : ИНФРА-М, 2020. 311 с.
5. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вв. Омск : Изд-во ОмГУ, 2015. 580 с.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 4. СПб., 1830. № 2218. 881 с.
7. Коновалов И. А., Толочкин А. П. Местное управление в городах Сибири по «Учреждению» 1822 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С. 17–21.
8. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1736 а.
9. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 9. СПб., 1830. № 6378. 1022 с.
10. Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. 136 с.
11. Государственный архив Иркутской области. Ф. 24. Оп. 9. Д. 45. Л. 6; Д. 102.
12. М.М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирской реформы М.М. Сперанского) / Л.М. Дамешек и др. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2003. 246 с.
13. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 38. СПб., 1830. № 29.125. 1352 с.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 6. Оп. 1. Д. 152.
15. Прутченко С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строем управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. 532 с.
16. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. СПб., 1872. Т. 1. 801 с.
17. Записки А.М. Тургенева // Русская старина. Т. 83, вып. 6. 1895. С. 39–46.
18. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск : Изд-во ОмГУ, 1995. 237 с.
19. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3223.

20. Румянцев П.П. Борьба надзиравших за частной промышленностью в Сибири жандармских штаб-офицеров с коррумпированностью волосного крестьянского правления // Восточно-Европейский научный вестник. 2017. № 2 (10). С. 60–64.
21. Румянцев П.П. Жандармские штаб-офицеры и начальники губернского жандармского управления в Томской губернии: практика назначения и социальный портрет // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 141–149.
22. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 2. СПб., 1886. № 886. 433 с.
23. Коновалов И.А., Шиманис Б.Б. Структура муниципальных органов Западной Сибири по Городовому положению 1870 г. // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 2 (19). С. 23–29.
24. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 42, ч. 1. СПб., 1871. № 44681. 1206 с.
25. ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 70.
26. Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю., Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. 195 с.
27. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 12. Д. 178.
28. Сибирский вестник. Томск. 1905. № 264.
29. Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. Красноярск, 1915. 128 с.
30. Сибирские вопросы. 1910. № 39.
31. Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. 200 лет на страже порядка (Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX – XX вв.). Томск, 2002. 519 с.
32. Siegelbaum Lewis H. Paradise or Just a Little Bit Better? Siberian Settlement “Fever” in Late Imperial Russia // Russian Review. 11 JAN. 2017. P. 22–37.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 февраля 2021 г.

Features of the Local Government and Self-Government System in Siberia in the 18th – Early 20th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 133–138.

DOI: 10.17223/15617793/471/16

Igor A. Konovalov, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: konov77@mail.ru

Keywords: history of Siberia; power; administration; local self-government; reform; governor; powers; police; elections.

The increased interest in the establishment and development of regional governance is associated not only with the desire of researchers to look deeper into the past, but also with practical needs. The relevance of the research topic is determined by the insufficient knowledge in the domestic historiography of local government and self-government in Siberia in the 18th – early 20th centuries. The object of the research is the local administration in the Siberian outskirts of the Russian Empire. The aim of the article is to conduct a comprehensive study of the peculiarities of the system of local government and self-government in Siberia in the 18th – early 20th centuries. The methodological basis of the research is formed by the classical principles used in historical research: scientific character, objectivity, and historicism. Among the research methods employed were: structural-functional, typological, and comparative-historical. The article reveals the features of the organization and activities of local government and self-government bodies in Siberia in the 18th – early 20th centuries and analyzes these features. The historical trends in the development of the system of local government and self-government bodies are determined in relation to the general processes of the development of Russian statehood. Despite the fact that the administrative and political incorporation of Siberia into the Russian state had been completed by the beginning of the 18th century, the institutions of state power have always had their own specifics here. The provincial reforms of Peter I and Catherine II received a rather contradictory interpretation in the region. Therefore, it is no coincidence that, in 1822, the outstanding Russian statesman and reformer M.M. Speransky drew up a special regional legislation for Siberia. A specific feature of local government in Siberia from the very beginning was the greater independence of the state apparatus than in the center of the country. The Siberian administration was characterized by an almost complete absence of self-government principles. Therefore, the powers of the administrative and police bodies in the Siberian outskirts of the country had their own specifics and were broader than in the European provinces of Russia. Specific to Siberia of the imperial period is also the almost complete subordination of local self-government bodies to the police institutions of the region.

REFERENCES

1. Akishin, M.O. (2003) *Rossiyskiy absolutizm i upravlenie Sibiri XVIII veka: struktura i sostav gosudarstvennogo apparata* [Russian absolutism and governance of Siberia in the 18th century: the structure and composition of the state apparatus]. Novosibirsk: Drevokhranilishche.
2. Dameshek, I.L. (2005) *Rossiyskiye okrainy v imperskoy strategii vlasti (nachalo XIX – nachalo XX vv.)* [Russian outskirts in the imperial strategy of power (early 19th – early 20th centuries)]. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University.
3. Matkhanova, N.P. (2002) *Vysshaya administratsiya Vostochnoy Sibiri v seredine XIX v.: Problemy sotsial'noy stratifikatsii* [Higher administration of Eastern Siberia in the middle of the 19th century: Problems of social stratification]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
4. Konovalov, I.A. (2020) *Rol' i mesto obshchey politsii v sisteme mestnogo upravleniya v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.)* [The role and place of the general police in the system of local government in Siberia (18th – early 20th centuries)]. Moscow: INFRA-M.
5. Remnev, A.V. (2015) *Sibir' v imperskoy geografiy vlasti XIX – nachala XX vv.* [Siberia in the imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University.
6. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection I. Vol. 4. No. 2218. St. Petersburg: V tipografiy II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
7. Konovalov, I. A. & Tolochko, A.P. (2019) Local governance in the cities of Siberia according to “Institution” of 1822. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoryya – Tomsk State University Journal of History*. 60. pp. 17–21. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/60/3
8. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 1. File 1736 a.
9. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection I. Vol. 9. No. 6378. St. Petersburg: V tipografiy II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
10. Gessen, V.M. (1904) *Voprosy mestnogo upravleniya* [Issues of local government]. St. Petersburg: Tip. i lit. A. E. Landau.
11. State Archive of Irkutsk Oblast. Fund 24. List 9. File 45. Page 6; File 102.
12. Dameshek, L.M. et al. (2003) *M.M. Speranskiy: Sibirskiy variant imperskogo regionalizma (k 180-letiyu sibirskoy reformy M.M. Speranskogo)* [M.M. Speransky: Siberian Variant of Imperial Regionalism (to the 180th Anniversary of the Siberian Reform by M.M. Speransky)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
13. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection I. Vol. 38. No. 29.125. St. Petersburg: V tipografiy II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.

14. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 6. List 1. File 152.
15. Prutchenko, S.M. (1899) *Sibirskie okrainy. Oblastnye ustanovleniya, svyazannye s Sibirskim uchrezhdeniem 1822 g., v stroe upravleniya russkogo gosudarstva. Istoriko-yuridicheskie ocherki* [Siberian outskirts. Regional regulations associated with the Siberian Statute of 1822 in the government of the Russian state. Historical and legal essays]. St. Petersburg: [s.n.].
16. Vagin, V.I. (1872) *Istoricheskie svedeniya o deyatel'nosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri* [Historical information about the activities of Count M.M. Speransky in Siberia]. Vol. 1. St. Petersburg: V tipografi II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
17. Turgenev, A.M. (1895) Zapiski A.M. Turgeneva [Notes by A.M. Turgenev]. *Russkaya starina*. 83 (6). pp. 39–46.
18. Remnev, A.V. (1995) *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoy polovine XIX v.* [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the 19th century]. Omsk: Omsk State University.
19. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 1. File 3223.
20. Rumyantsev, P.P. (2017) The Struggle of Gendarme Officers Who Supervised the Private Gold Industry in Siberia With the Corruption of Volost Peasant Management. *Vostochno-Evropeyskiy nauchnyy vestnik*. 2 (10). pp. 60–64. (In Russian).
21. Rumyantsev, P.P. (2020) Gendarme Staff Officers and Heads of the Provincial Gendarme Administration in Tomsk Province: The Practice of Appointment and the Social Portrait. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 457. pp. 141–149. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/457/17
22. Russian Empire. (1886) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 2. No. 886. St. Petersburg: V tipografi II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
23. Konovalov, I.A. & Shimanis, B.B. (2009) Struktura munitsipal'nykh organov Zapadnoy Sibiri po Gorodovomu polozheniyu 1870 g. [The structure of the municipal authorities of Western Siberia according to the City Regulations of 1870]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2 (19). pp. 23–29.
24. Russian Empire. (1886) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 42. Part 1. No. 44681. St. Petersburg: V tipografi II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
25. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 172. List 1. File 70.
26. Tolochko, A.P. et al. (2003) *Gorodskoe samoupravlenie v Zapadnoy Sibiri v dorevolyutsionnyy period: stanovlenie i razvitiye* [City self-government in Western Siberia in the pre-revolutionary period: formation and development]. Omsk: Omsk State University.
27. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 12. File 178.
28. *Sibirskiy vestnik* (Tomsk). (1905) 264.
29. Yenisei Provincial Statistical Committee. (1915) *Pamyatnaya knizhka Eniseyskoy gubernii na 1915 god* [Reference book of Yenisei Province for 1915]. Krasnoyarsk: Yenisei Provincial Statistical Committee.
30. *Sibirskie voprosy*. (1910) 39.
31. Lar'kov, N.S., Chernova, I.V. & Voytovich, A.V. (2002) *200 let na strazhe poryadka (Ocherki istorii organov vnutrennikh del Tomskoy gubernii, okruga, oblasti v XIX – XX vv.)* [200 years guarding order (Essays on the history of the internal affairs bodies of Tomsk Province, District, Oblast in the 19th–20th centuries)]. Tomsk: [s.n.].
32. Siegelbaum, L.H. (2017) Paradise or Just a Little Bit Better? Siberian Settlement “Fever” in Late Imperial Russia. *Russian Review*. 11 JAN. pp. 22–37.

Received: 01 February 2021